

Пекин измучен приматом внутренней политики

Исчерпание высоких темпов капиталистического взлёта Китая, наблюдавшихся в “славное сорокалетие” начиная с «открытия» 1978 года, соответствует окончательному созреванию китайского империализма. Рубежом в этом цикле считается торговая война, которую США Дональда Трампа развязали против Китая в 2017 году. Неслучайно это событие совпадает с началом программы перевооружения военно-морских и стратегических сил Дракона. После мирового финансового кризиса 2008 года темпы китайского капитализма замедлились вдвое. Масштабное фискальное стимулирование 2009 года позволило сохранить годовой рост ВВП на уровне около 10 % в течение ещё двух лет, однако в период с 2012 по 2019 год установилась «новая нормальность» с постепенным снижением темпов роста с 8 до 6 %. После пандемии этот показатель составляет чуть менее 5 %.

Хуан Ипин, советник Народного банка Китая и проректор Национальной школы развития, основанной Джастином Ифу Линем и Чжан Вэйином в Пекинском университете, пишет, что, с одной стороны, Китай ещё не полностью оправился от кризиса, вызванного COVID, а с другой – Пекин избегает агрессивных мер, поскольку 2009 год спровоцировал двойной пузырь: на рынке недвижимости и местных долгов. В конце 2024 года минфину пришлось конвертировать “скрытый” долг провинций. Но кроме этого нужно «изменить баланс фискальных обязанностей между правительствами различных уровней», что является сутью обширной программы реформ Китая. Чтобы решить вопросы социальной реструктуризации, Пекину придётся изменить баланс сил. Однако динамика «внутренней политики» осложняется глобальной конкуренцией. Одно только сопоставление китайских течений по своей сути выявляет наличие множества ориентаций.

Дерегулирование и новые противоречия

Чжэн Юннань из Китайского Университета Гонконга в Шэньчжэне является лидером либерал-империалистического течения, связанного с регионом Большого залива провинции Гуандун. В *Greater Bay Area Review* он приоткрывает завесу над жаркими дебатами о противоречиях развития, которые доходят вплоть до тезисов о китайском «откате назад». При передаче монетарной и фискальной политики от центра к провинциям возникают трудности. Более того, традиционные «три коня», тянущие цикл – инвестиции в инфраструктуру, потребление “среднего класса” и внешняя торговля – парализованы. По мнению Чжэна, выходом станет создание новых видов экономической деятельности за счёт технологического прогресса, через модернизацию старых секторов и создание новых.

Китайский империализм достаточно созрел, чтобы жаждать этого чудесного лекарства, предлагаемого технологическим детерминизмом, этого “нового” капитала, который, постоянно возникая из “старого”, как будто продлевает его жизненный цикл. «Новое экономическое пространство», которое можно создать с помощью инноваций, «почти бесконечно», пишет Чжэн и предлагает использовать для его подпитки «дерегулирование» – «третью стрелу», наряду с монетарным и фискальным смягчением, которая должна позволить Китаю избежать «отката назад» в экономике и догнать Америку Трампа и Илона Маска: «Умеренное смягчение правил высвободило бы значительную часть новой экономической активности».

Но сам автор должен признать, что новые отрасли, помимо того, что обесценивают активы конкурентов, возвращают старые противоречия, провоцируя столкновение компаний Юга и других центров китайской автомобильной промышленности: «Беспощадная конкуренция между отраслями быстро увеличивает местный долг», вовлекая целые провинции; многие из них инвестируют в автомобильный сектор, закладывая основу для нового пузыря, «подобного пузырю на рынке недвижимости»; «ценовая война» среди производителей электромобилей, которым уже угрожает избыток мощностей, – «жестокая», а число конкурентов чрезмерно. Ни одной стране «никогда не приходилось сталкиваться с такой жёсткой конкуренцией».

Китайские трудности и американские иллюзии

Если Дракон попытается избежать спада за счёт развития новых секторов, которые встряхнут глобальную конкуренцию, его реструктуризация может иметь несколько стратегических последствий для других держав. Цзинь Цаньжун, декан факультета реализма в Школе международных исследований Китайского народного университета в Пекине, считает, что *«реальные проблемы Китая носят внутренний характер, особенно с точки зрения экономики и спроса»*, но в том смысле, что только безопасное развитие *«может разрушить иллюзии Соединённых Штатов и заставить их понять, что подавить Китай невозможно»*.

Автор полагает, что пандемия и замедление темпов роста экономики Китая вновь возродили в Вашингтоне искушение ввязаться в гонку с Китаем, в том числе в экономической и технологической областях.

«Разумеется, развитие Китая невозможно сдержать, но мы также должны признать, что китайская экономика столкнулась с некоторыми трудностями за последние два-три года. В 2021 году ВВП в текущих долларах достиг 77 % от ВВП США, но в 2024 году этот показатель снизился до 61 %. Джо Байден даже сказал в своей прощальной речи, что Китай никогда не превзойдёт США». Однако если оставить в стороне цифры, Китай вверг послевоенный порядок в кризис: *«Его восхождение отличается от подъёма Нидерландов, Великобритании, Германии, Японии и других стран в истории. Его размер оказал значительное влияние на глобальный баланс сил»*. Если в Америке укрепится *«иллюзия»*, что Дракона можно сдержать, то это *«неизбежно»* приведёт к столкновению; трудности реструктуризации в Китае заставляют США медлить с признанием *«неудержимости»* его роста.

Внутренняя политика и дивиденды Китая

Янь Сюэтунь, декан Института международных отношений Цинхуа, также поддерживает тезис о примате китайской *«внутренней политики»* в пересмотре глобальных отношений. *«В соперничестве великих держав внешняя политика часто может отходить на второй план по отношению к внутренней»*. За этим тезисом стоят два аспекта. С одной стороны, именно *«внутренняя программа реформ в действительности определит ход конкуренции»* с Соединёнными Штатами. С другой стороны, *«изоляционистская»* политика Трампа открывает перед Китаем возможность наладить отношения с союзниками Вашингтона: это касается сближения с *«европейцами»* вокруг защиты многосторонней торговли от протекционистских выходов этого магната.

Поэтому Пекин не может позволить себе заниматься только своими внутренними делами, он должен действовать на обоих полях, выстраивая торговые и финансовые отношения, которые обусловили бы старые державы. Тот же инструмент, подтверждает *Global Times*, нацелен на *«развивающиеся»* державы и позволит им *«разделить дивиденды развития Китая»* за счёт увеличения импорта.

Мы видим линию, направленную на империалистическое использование рынка импорта, в противовес рецептам простого увеличения внутреннего потребления, которые предлагала англосаксонская школа. Пекин отменяет тарифы для *«наименее развитых стран»* Африки и Южной Азии, а также снижает средний общий тариф на один процентный пункт – до 6 %, но сейчас решающее значение имеет объём импорта, который за двадцать лет увеличился в десять раз. Доля старых держав в китайском импорте снижается с 53 до 42 %. Сегодня Китай является крупнейшим в мире импортёром из *«развивающихся»* стран. Открытость может диалектически превратиться в орудие для финансового вторжения на *«развивающиеся»* рынки.

Подъём китайского шовинизма

Империалистическое развитие Дракона проецируется на мир и зависит от мира, но интернационализация может только подпитывать национализм. XX век превратил его в самый ходовой продукт капитала на международном рынке. По мнению Янь Сюэтуна, даже в Китае *«усиливаются популистские тенденции, разжигающие огонь шовинизма»*. По мнению основателя Института международных и стратегических исследований Пекинского университета Ван Цзисы, *«отношения с США будут зависеть от решающих изменений во внутренней политике»*, и *«внутренняя политика претерпела важные изменения»*. Ван является наиболее ярким представителем старого проамериканского течения *«мирного»*

восхождения», позднее пришедшего к отказу от «сдержанности»: то, с каким неудовольствием он об этом говорит, отражает политические изменения в проамериканской партии на фоне обострения спора с первой державой.

Ван вспоминает, что двадцать лет назад, когда заместитель госсекретаря Роберт Зеллик предложил включить Китай в число «ответственных акционеров» мирового порядка, Пекин отреагировал положительно; вскоре после этого, с началом финансового кризиса 2008 года в США, началось «постепенное ухудшение» отношений, достигшее кульминации с избранием Трампа в Белый дом. Однако аналогичные изменения происходили и в Китае. «После 2012 года несколько высокопоставленных партийных, государственных и военных чиновников были уволены по обвинениям в коррупции. КПК усилила [...] внутреннюю идеологическую борьбу, подчёркивая, что должностные лица должны “иметь смелость и уметь бороться” в международных отношениях. Продолжая уделять внимание экономическому прогрессу, Китай в политической жизни уделяет гораздо больше внимания национальной безопасности». «Внутренняя политика» породила национализм.

Безопасный Китай, увязший в плюрализме

Директор Центра “Китай и мировая экономика” в Университете Цинхуа Дэвид Ли Даокуй в своей книге “China’s World View” (2024), напротив, вступает в диалог с Мартином Вулфом и Нилом Фергюсоном именно для того, чтобы объяснить, почему Китай, будучи «в основном поглощённым» своими «внутренними делами», не представляет «угрозы» для Запада. Само собой разумеется, что внутри КПК существуют различные ориентации. Тот факт, что она затрачивает силы на синтез и определение внешнеполитических линий, является одной из закономерностей империалистической демократии. Однако эффективность этого процесса, его скорость и степень прочности политического консенсуса, который в итоге будет достигнут, являются фактором в противостоянии держав: если уж на то пошло, то это оружие в империалистическом противостоянии, а не фактор его смягчения.

По мнению Ли Даокуя, архитектура реальных «внутренних» сдержек и противовесов китайского плюрализма неизвестна на Западе. Ли с полным основанием может прояснить этот вопрос, так как является бывшим членом комитета по монетарной политике центрального банка, делегатом XX съезда КПК и членом Народного политического консультативного совета Китая, главным экономистом Нового банка развития БРИКС и консультантом китайского правительства. Он утверждает, что существует как минимум шесть уровней контроля: иерархия и строгая субординация партийных и правительственных чинов на центральном и местном уровнях; плюрализм власти, разделённой между ЦК КПК, правительством и парламентом; процесс многоуровневых «консультаций» при разработке законов; судебная система, поддерживаемая партийными дисциплинарными органами; решающая роль провинций; китайская традиция «косвенной критики», когда культурные дебаты “маскируют” политические, используя «конструктивную» двусмысленность в СМИ. К этому можно добавить лидеров “школ мысли”: их рассуждения о необходимости следовать примату внутренней политики раскрывают дилеммы, стоящие перед китайской державой.

Февраль 2025 г.